

Кажарова И. А. Аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг») / И. А. Кажарова, А. Р. Борова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 265—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-265-281.

Kazharova, I. A., Borova, A. R. (2021). Axiology of Subject of Declarative-Publicistic Poetry (First Collection of Soviet Kabardian Poets “First Step”). *Nauchnyi dialog*, 10: 265-281. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-265-281. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-265-281

Аксиология субъекта декларативно- публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг»)

Кажарова Инна Анатольевна¹

orcid.org/0000-0002-7431-0840

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
сектора кабардинской литературы
barsello@rambler.ru

Борова Асият Руслановна²

orcid.org/0000-0002-0079-6956

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы
assbora@mail.ru

¹ Институт гуманитарных исследований —
филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
(Нальчик, Россия)

Axiology of Subject of Declarative-Publicistic Poetry (First Collection of Soviet Kabardian Poets “First Step”)

Inna A. Kazharova¹

orcid.org/0000-0002-7431-0840

PhD in Philology, Senior Researcher,
Kabardian Literature Sector
barsello@rambler.ru

Asiyat R. Borova²

orcid.org/0000-0002-0079-6956

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы
assbora@mail.ru

¹ The Institute for the Humanities
Research — Affiliated Federal State
Budgetary Scientific Establishment
“Federal Scientific Center
“Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”
(Nalchik, Russia)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

² Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

² Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

© Кажарова И. А., Борова А. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема аксиологии субъекта декларативно-публицистической поэзии. Прокомментированы понятия «публицистическая поэзия», «декларативно-публицистическая поэзия», «агитационная поэзия». На материале ряда произведений, посвященных актуальному в пролетарской поэзии 1920—30-х годов образу «новой женщины», выявляются элементы, определяющие аксиологию субъекта. Исследуется сборник советской кабардинской поэзии «Первый шаг». Цель статьи — выявить ценностные нюансы, которыми в национальных «вариантах» советской литературы дополнялись сложившиеся в русской агитационной поэзии каноны выражения типичного для нее субъекта. Уделяется внимание семантическому наполнению поэтического «мы», пространственным и временным аспектам репрезентации поэтического субъекта, характеру отношений субъекта поэтического высказывания к главному герою. Демонстрируется аксиологический подтекст деталей одежды в контексте актуального для агитационной поэзии противопоставления двух временных планов. Доказывается, что представленность субъекта агитационной поэзии на стыке двух временных планов является для авторов «Первого шага» наиболее функциональным аспектом его аксиологии. Актуальность исследования определяется в свете проблемы межкультурного взаимодействия, восприятия конкретной культурой нехарактерных для нее способов выразительности, формирования непривычного ей субъекта поэтического мышления.

Ключевые слова:

советская кабардинская поэзия; аксиология; поэтический субъект; декларативно-публицистическая поэзия; образ женщины.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the axiology of the subject of declarative-publicistic poetry is considered in the article. The concepts of “publicistic poetry”, “declarative-publicistic poetry”, “propaganda poetry” are commented on. On the basis of a number of works devoted to the image of the “new woman”, which was actual in the proletarian poetry of the 1920s and 1930s, the elements defining the axiology of the subject are revealed. The collection of Soviet Kabardian poetry “First step” is researched. The purpose of the article is to reveal the nuances of value, which in the national “variants” of Soviet literature supplemented the canons of expression of a typical subject that have developed in Russian propaganda poetry. Attention is paid to the semantic content of the poetic “we”, the spatial and temporal aspects of the representation of the poetic subject, the nature of the relationship of the poetic statement subject to the main character. The axiological subtext of the details of clothing is demonstrated in the context of the opposition of two temporal plans, which is relevant for agitation poetry. It is proved that the representation of the subject of agitation poetry at the junction of two time plans is for the authors of “The First Step” the most functional aspect of his axiology. The relevance of the study is determined in the light of the problem of intercultural interaction, the perception by a particular culture of ways of expressiveness that are uncharacteristic for it, the formation of an unusual subject of poetic thinking.

Key words:

Soviet Kabardian poetry; axiology; poetic subject; declarative-publicistic poetry; image of a woman.

Аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг»)

© Кажарова И. А., Борова А. Р., 2021

1. Введение

Насыщенная смысловыми нюансами проблема выявления и конкретизации форм субъектной организации художественного текста породила в отечественном литературоведении устойчивую исследовательскую традицию [Тынянов, 1977, с. 118—123; Бахтин, 1979, с. 7—180; Корман, 1972; Гинзбург, 1974, с. 127—171; Бройтман, 1997; Чевтаев, 2016]. В тех случаях, когда речь заходит непосредственно о субъектной организации в поэтическом тексте, чаще всего наблюдается его сопряжение с лирическим началом: «лирический субъект», «лирический герой», «лирическое я» и т. д. Несомненно, это обосновано тем, что поэтическая форма выразительности наиболее органична лирике. Однако очевидно, что далеко не всякое поэтическое произведение можно назвать лирическим, а значит, нельзя называть таковым и связанного с ними субъекта. В этом плане одним из наиболее наглядных и в то же время пока не привлечшим к себе внимание исследователей видится субъект декларативно-публицистической поэзии, в особенности тех ее образцов, которые именуют поэзией агитационной. В предлагаемой работе мы постараемся выявить элементы, определяющие аксиологию субъекта декларативно-публицистической поэзии. В качестве иллюстративного материала будут привлечены отдельные образцы советской кабардинской поэзии 1920—30-х годов — времени ее расцвета в отечественной литературе. В целях сжатости анализа, предопределенного рамками статьи, мы сосредоточимся на произведениях, главным героем которых выступила женщина. Тема «женского равноправия», став одной из главных в культурно-политическом дискурсе первых советских десятилетий, обрела довольно отчетливые каноны своего претворения в литературе. Сформированные в творчестве русских пролетарских авторов, эти каноны в каждом из национальных «вариантов» советской литературы дополнялись собственными ценностными нюансами. Так, для многих северокавказских литератур «женская тема» индивидуализировалась в мотиве раскрепощения «закабаленной горянки», что, в свою очередь, настойчиво возводилось к образу «закабаленной женщины Востока» (с которой, по правде говоря, кавказская женщина соотносится лишь отчасти, однако

отвлекаться на культурологические аспекты мы не станем). Во всем этом нас интересует, с одной стороны, нормативность оформления нового субъекта, ведь изначально это было не столько преломление существующего, сколько его конструирование согласно идеологическим запросам времени, с другой — закономерности отражения этого субъекта в конкретных этнических вариациях.

2. Аксиологический подтекст интереса к агитационной поэзии

Сам по себе интерес к агитационной поэзии может показаться в ценностном отношении спорным, ведь в поле зрения литературоведения, как правило, попадают явления эстетически значимые. Основной же пласт агитационной литературы представлен произведениями нарочито упрощенными, нередко примитивными, совершенно не претендующими на долгую жизнь в искусстве. Еще в литературной энциклопедии 1930 года было объективно подмечено, что «поле воздействия агитационного художественного произведения ограничено и кончается там, где начинается новая классовая и политическая обстановка» [Лунин, 1930, с. 51]. Кстати говоря, определенную ценностную «симптоматику» можно усмотреть и в том, что понятие «агитационная литература» постепенно сошло на нет в словарно-энциклопедическом контексте литературоведения. Устойчивость и жизнеспособность в этом контексте остается за дефиницией «публицистика», в отношении которой «агитационная поэзия» выступает как частное. Ввиду такой устойчивости в нашей работе, помимо *агитационной*, используется также название *декларативно-публицистическая* поэзия. Примечательно, что, при всем многообразии относящихся к литературной публицистике явлений, ряд обобщающих ее характеристик вполне применим к описанию черт агитационной поэзии. К примеру: «Наряду с “прозрачностью” образов, в которых предпочтение отдается общему, а не индивидуальному, публицистике свойственна **максимальная редукция психологизма и детализации, сведение символизации и произвольных ассоциаций к необходимому минимуму**» (выделено нами. — И. К., А. Б) [ЛЭ, 2001, с. 837]. При всей бесспорности того, что мы имеем дело с публицистическим жанром, подчеркивание декларативного момента нам необходимо, поскольку в содержательном и жанровом многообразии литературной публицистики нас интересуют наиболее упрощенные, наиболее доступные массам (а на определенном этапе развития отечественной литературы они и были рассчитаны на восприятие малограмотных масс) образцы поэзии.

Что касается обоснованности подобного интереса, то утверждать, будто образцы эти не представляют особой ценности при изучении литературного процесса, было бы несколько опрометчиво. Здесь многое проясняет

аксиологический подход, обретающий все большее признание в трудах современных исследователей [Хализев, 2005; Султанов, 2018; Филатов, 2019]. Так, А. В. Филатов, рассуждая об аксиологии в теории литературы, перечисляет ряд характеристик, определяющих различные ценностные концепции [Филатов, 2019, с. 131—132], и выделяет три основных уровня, или направления аксиологического изучения литературы: 1) микроуровень отдельного произведения; 2) макроуровень литературного процесса; 3) мезоуровень системы ценностей писателя [Филатов, 2019, с. 133—137]. Подобный подход поможет избежать сбивчивости при выборе метода исследования и легче определить для себя доминантную точку зрения, с которой аксиологический потенциал того или иного литературного явления будет интерпретирован наиболее адекватно. В конкретном случае для нас актуальны *микроуровень* и *макроуровень* литературного процесса. Понятно, что разговор о субъекте поэтического текста наиболее органичен на первом уровне. Апелляция же к макроуровню для нас значима постольку, поскольку помогает не проглядеть индивидуальные вариации такого обширного явления, как «литературный процесс». Как поясняет А. В. Филатов, на макроуровне «в функции ценности выступает целостное художественное произведение, занимающее определенное место в литературной иерархии конкретной культуры» [Филатов, 2019, с. 135]. В свете нашего интереса эта мысль заставляет обратить внимание на следующие нюансы. Если агитационная поэзия 20—30-х годов минувшего столетия в русской литературе предстает на фоне многостилевого единства, характеризуемого как «... время бурного отрицания старых форм, поисков нового, стремления к свободе стиха» [Мысль..., 1983, с. 300], то в большинстве так называемых новописьменных литератур это всего лишь время литературной учебы. Если в первом случае нам открывается возможность построения ценностной иерархии или хотя бы осуществления выборки из многообразного поэтического контекста явлений более значимых, то во втором — ценностно значимым феноменом оказывается названный этап как таковой, независимо от качества его поэтической продукции. Аксиологическое измерение обретает в нем прежде всего сам факт восприятия инокультурных способов выразительности, и в том числе формирования нового (до той поры небывалого) субъекта поэтического мышления. Если же игнорировать подобные аспекты, в теоретическом изучении феноменов литературного процесса будет происходить редукция.

3. Аспекты интерпретации субъекта агитационной поэзии

Возвращаясь к затронутому еще в начале вопросу именования субъекта, отметим, что мы, конечно, вовсе не исключаем, что агитационная по-

зия может нести в себе элементы лирического мироощущения. Однако доминантным здесь является не оно. Если точкой отсчета в лирике становится внутренний мир субъекта, то агитационная поэзия — это прежде всего отклик «на злобу дня, на политические события» [Лунин, 1930, с. 51]. Заложенное в ней требование к редукции индивидуального касается прежде всего субъекта, потому нам ничего не остается, кроме как именовать его обобщенно — *поэтический*.

Выявляя элементы, определяющие аксиологию субъекта агитационной поэзии, мы намерены привлечь ряд произведений советской кабардинской поэзии обозначенного времени. Как говорилось выше, то был период литературной учебы, а значит, в этих образцах можно увидеть наиболее характерное для русской пролетарской поэзии, пусть и позаимствованное иной раз спешно и безыскусно, в том числе некоторые клише, запечатлевшиеся в формах «субъектности» (Б. О. Корман) и способах ее выражения. Мы будем апеллировать главным образом к произведениям, вошедшим в первый сборник советских кабардинских поэтов «Первый шаг» (1933) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13].

К моменту выхода этого сборника более ранние линии развития литературы — а это достигшая высокого мастерства проза русскоязычных просветителей и дидактические сочинения так называемых «арабистов» [Кажарова и др., 2020, с. 219] — давно отвергнуты как классово враждебные и не представляющие никакой ценности. Литература в этот период становится «одной из форм работы на идеологическом фронте» (Д. М. Налоев), а потому публицистика являет собой целый бытийный контекст, в котором формируется новое поколение авторов. Как замечает Е. М. Машитлова, почти все литераторы этого периода сотрудничают в партийной прессе [Машитлова, 1977, с. 30], «каждый поэт был одновременно бойцом и учителем, пропагандистом и агитатором, журналистом и организатором первых литературных и драматических кружков ...» [Машитлова, 1977, с. 18]. Ко времени появления упомянутого сборника в агитационном творчестве представителей различных творческих групп русской советской литературы уже вполне обозначились типовые образные и смысловые приемы освещения темы «новой женщины». И в большинстве произведений «Первого шага» естественным образом прослеживается восприимчивость к этим приемам.

Оглядываясь на критическую рецепцию, современную «Первому шагу», можно отметить, что речь шла прежде всего о конфликте формы и содержания его произведений. Первое виделось весьма далеким от совершенства, зато второе, «будучи хорошим» по своей «единой политической целеустремленности» [Налоев, 2004, с. 118], обуславливало их ценност-

ную составляющую. Удерживая в поле зрения эту ценностную составляющую, резонно проанализировать с позиции нынешнего литературоведения наиболее типичные способы ее презентации, и для этого первым делом обратиться к проблеме субъекта, поскольку, как замечает А. А. Чевтаев, «смысловая заданность художественного произведения обязательно предполагает субъектную позицию, в соответствии с которой происходит развертывание изображаемого мира и посредством которой транслируется определенная система ценностного отношения к миру» [Чевтаев, 2016, с. 41—42]. Осмелимся добавить, что данный принцип распространяется на все многообразие форм художественной словесности, в том числе на произведения, не отмеченные лирической углубленностью.

Пожалуй, самое очевидное, от чего можно отталкиваться, рассматривая субъект агитационной лирики, — это минимизация в нем индивидуального, стало быть, субъективного. Ни в идеологии нового создаваемого мира, ни, тем более, в его художественном отражении субъективность не приветствовалась. Простор поэтического «я» был ограничен. В более выгодной позиции оказывалось «мы». В контексте обозначенной поэзии оно доминировало. Как отмечает С. Г. Семенова, «это “мы” вошло в многочисленные названия стихов, стало главным их героем. На страницах пролетарских сборников чеканным шагом проходят “тысячи тысяч, миллионы миллионов, миллиарды”, биллионы и неисчислимые тьмы, пронизанные ощущением невероятной, титанической мощи такого гигантского всеземного коллектива людей труда, борцов и строителей» [Семенова, 2001, с. 15]. Литературы разных народов обращаются к новым темам и новым героям. Женщина — герой, на котором сосредоточено особое внимание новописьменных литератур. Логично, что далекая от всего субъективного множественность экстраполируется и на ее изображение: новая женщина не может предстать в своей единичности и неповторимости.

Итак, герой предстает в своей массовости, и в этом, согласно канону пролетарского творчества, сила его убедительности. Некоторая гипертрофия восприятия подобной установки ведет авторов «Первого шага» и их современников к предельной обобщенности образа женщины и обобщенности точки зрения на нее, что воплощается уже на уровне стихотворных заглавий. Их однообразие сложно не заметить: «Женское стихотворение» (Шаков Т.), «Женское стихотворение» (Афаунов М.), «Женщины!» (Карданов Х.), «Адыгские женщины!» (Мазуков Х.). Если в русской агитационной поэзии, из которой черпаются исходные установки воссоздания субъекта, образ новой женщины может быть представлен пусть не в своей единичности, но в единственном числе (к слову, стихотворения «Мария Голошубова» Д. Бедного [Бедный, 1954, с. 127], «В дождли-

вый день» И. Кузнецова [Пролетарские ..., 1959, с. 413], «Делегатка» М. Яншина [Болотова, 2018, с. 60]), то в преломлении его авторами «Первого шага» он предстает сугубо в своей массовости. Редким отступлением, тем не менее подтверждающим общее правило, видятся лишь стихотворения А. Шогенцукова. Причем его заглавия тоже красноречивы: «Лина-тракторист», «Несчастья империалистической войны, выпавшие на долю бедной женщины», «Жизнь Мадины». Но сразу подчеркнем, что индивидуализация оказалась возможной лишь там, где явственно проступило лирическое начало. (По этой причине названные произведения А. Шогенцукова остаются за пределами интересующего нас контекста агитационной поэзии).

Важно при этом заметить, что точка зрения, о которой идет речь, выражается авторами-мужчинами. Стало быть, доминирует мужской взгляд. И в тех случаях, когда поэтический субъект выступает выразителем женского «мы», перед нами не что иное, как смоделированная мужчиной точка зрения героини.

Согласно наблюдениям О. В. Барсуковой относительно женских образов в литературе, «эти образы формируются авторами в определенном социальном контексте и их содержание отражает и определяется обыденными представлениями о желательности и адекватности определенных характеристик женщины. <...> В художественных произведениях представлен тот образ женщины, который типичен для конкретного общества, желателен и необходим и отражает те черты, которые в данном обществе считаются свойственными женщине» [Барсукова, 2009, с. 170]. Надо сказать, что в данном случае создается женский образ, который далеко не типичен в конкретном обществе, однако ввиду категоричности господствующей идеологии желателен и необходим.

Как уже было сказано, претворение образа новой женщины в русской агитационной поэзии подчиняется определенному канону. Обусловленный идеологическими ожиданиями, с разной степенью полноты он воплощается в творчестве разных авторов первых советских десятилетий. Если выделять наиболее очевидное, то этот канон проступает в упоминаниях специфических деталей «костюмного облика» («На плечах из *черной кожи куртка*, / голова повязана *платком* ...» [Болотова, 2018, с. 60], «Мне милее девушка в *платочке* / *Алом* и со звездами в глазах [Пролетарские ..., 1959, с. 417], «Идут от станков, от земли и от кадок, / под *красный платок* заправляя прядь. / Сотни тысяч баб-делегаток» [Маяковский, 1958, с. 305]), в мотиве освобождения от привычного патриархального уклада и влияния религии («Кто, *нарушивши обычай*, / В зиму внес весенний шум? / Оказалось: не мужичий / А «короткий» бабий ум!» [Бедный, 1954,

с. 127], «*Перед мужем в страхе не трепещет, / Не несет попу свои грехи*» [Болотова, 2018, с. 60], «*Ленин вам — от станков и от кадок / велел прийти и вести государство*» [Маяковский, 1958, с. 306]), в сопряженном с ним мотиве овладения новыми социальными ролями и новыми профессиями («*Ты должна вспоминать почаще, / что избрана ты передовой. / Делом примерным, речью звучащей, / опыт отсталым передавай*» [Маяковский, 1958, с. 306], «*И в семье, на фабрике все резче / пробивает новые пути*» [Болотова, 2018, с. 60], «*С Катей, девушкой-ткачихой / Повстречался у ворот*» [Пролетарские ..., 1959, с. 413]). Разумеется, все перечисленное происходит на фоне сопоставления гнетущей картины прошлого и многообещающего настоящего. Все перечисленное выходит на субъектную сферу героя, или, по-другому — центрального образа. Что же касается субъекта поэтического сознания, от которого исходит оценка, то в абсолютной полноте своего совпадения с господствующей идеологией он подобен некоему выразителю высшей истины. Это субъект, которому доподлинно известно, что верно, а что нет и какой именно надлежит быть «новой женщине». При этом не имеет значения, в директивной или нейтральной манере он выражает свою оценку.

Поэты «Первого шага» также изображают этот образ в двух временных планах — в прошлом и настоящем. Во времени прошлом его также определяет мотив страдания, при этом фигура героини настойчиво подверстывается под образ угнетенной «женщины Востока». Можно заметить, как в определении временной протяженности ее страданий допускаются явные перехлесты. Период пребывания ее под царским и семейным гнетом исчисляется не веками, а тысячелетиями: «*Вы много тысячелетий в страданиях / Самодержавия эпоху проживали*» (Х. Мазуков) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 21]; «*Подобно домашнему скоту вас отдавали, продавали / (Так было) много тысяч лет*» (Х. Карданов) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 40]; «*Тысячелетий множество прожитых / К ремеслам никаким не приобщило нас*» (Т. Шаков) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 16]. (Здесь и далее цитаты из поэтических текстов приводятся в нашем подстрочном переводе. — И. К., А. Б.). Помимо этой меры летоисчисления, упоминается такая менее определенная «хронология», как «исстари», «издревле», «издавна», однако вступлением к «теме» прошлого всегда оказываются *тысячелетия страданий*.

Если представить обобщенный перечень женских ролей в прошлом, то это — быть домашней прислугой, быть предметом торга, прозябать в сырой мгле жилища. Последнее мыслится как наиболее типичное про странство ее былой жизни. Для того чтобы сгустить краски и произвести эффект большего соответствия угнетенной «женщины Востока», слагается

повторяющийся на разные лады мотив заточения в темном и тесном жилище: «Не выходя на свет, / В тесноте холодного жилища прозябали (вы)» (Х. Карданов) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 40]; «Народа часть одну вторую, / Женщин наших, / Уж слишком долго в тьме томили их» (М. Афаунов) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 19]; «Вы в сырости темного жилья / Всю жизнь свою влачили» (Х. Мазуков) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 21]. Попытки представить эти страдания более убедительно выражаются через упоминания физической немощи, до которой довела такая жизнь (еле держались на ногах; заболели чахоткой, а то и умирали), и символов закабаления (кандалы, капкан). Разумеется, все эти попытки «психологизации» возникают поверх более стереотипных представлений, которые находят здесь место: патриархальный гнет, невозможность для женщины получить образование и профессию.

Любопытно, как в мотив страдания вплетаются детали одежды. Здесь не столько *появление* костюмных деталей с идеологической семантикой, сколько идеологически значимое *отсутствие* деталей национальной одежды. Как внешний элемент былой угнетенности Х. Карданов неоднократно упоминает головной платок — элемент женского национального костюма кабардинцев. Субъект «Женского стихотворения» Т. Шакова, высказываясь от имени женщин, также упоминает в негативном свете детали национальной одежды (с ношением которой, кстати говоря, велась активная борьба): «Нагрудник да пояс серебряным перевяслом / На себе мы таскали» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 16]. Теперь же «их отсутствие выступает одним из символов свободы, которая завоевывается, в том числе, и через отвержение прошлого» [Кажарова, 2014, с. 109].

Примечательны аспекты преломления субъектом времени настоящего. Не считая только что процитированного «Женского стихотворения», в котором время настоящее обретает конкретику прав и свобод, дарованных «труженице советского Востока», во всех упомянутых произведениях настоящее представлено не столь отчетливо, как время прошедшее, которому оно противостоит. Если конкретику настоящего в тексте Т. Шакова можно рассматривать как попытку стихотворной констатации основных пунктов Постановления «О правах трудящихся женщин советского Востока» (а ответы здесь наглядны: «Мы оттолкнули шариат» — освобождение от бытовых и религиозных предрассудков; «Выращиваем шелкопрядов» — вовлечение в производственные артели; «С мужьями наравне / За государственные дела беремся мы» — право избрания во все органы государственной власти), то в остальных случаях настоящее либо весьма условно, либо опирается на побудительные призывы, устремленные в будущее и тем самым размывающие конкретику настоящего. Так, М. Афаунов из двадцати

девяти строк своего стихотворения посвящает времени настоящему лишь четыре заключительные, ограничиваясь при этом странным конгломератом мифологической образности и актуального политического события: «Неволивших нас драконов / Коммуна бесстрашная прогнала / Свободы солнечной лучи / 8 марта озарили нас» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 20]. «Тема» прошлого и «тема» настоящего разделяют стихотворения Х. Карданова и Х. Мазукова на две условные части, при этом высказанное о прошлом, хоть и незначительно, но превосходит настоящее количественно и степенью детализации. Если у Х. Карданова будущее всего лишь «вкрапливается» в настоящее через категорию долженствования («Так преображайте ж это время, / Его достойными хозяйками должны вы стать» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 41]), то у Х. Мазукова настоящее состоит из призывов, «нацеленных» на будущее («К строительству социализма / Все вместе мы приступим»; «Ударные темпы набирайте / Результаты больших достигайте»; «Айда, женщины! В образовательные учреждения (дружно) идите»; «Давайте же всех трудящихся народов / Родные языки освоим!») [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 23].

Как уже было отмечено выше, «мы», в форме которого представлен субъект «Женского стихотворения» Т. Шакова, подразумевает женщин. В стихотворениях Х. Карданова и Х. Мазукова множественный субъект обращается к женщинам (второе лицо множественного числа) и, по мере перехода в «тему» настоящего, подразумевает уже обобщенное «мы» всех трудящихся. В «Женском стихотворении» М. Афаунова субъект выражает себя несколько иначе. Сначала он говорит о женщинах в третьем лице («Народа часть одну вторую, / Женщин наших, / Уж слишком долго в тьме томили *их*, / Отнявши право слова, / Прислуге уподобив *их*» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 19]), а затем высказывается от их лица («Для толстобрюхих тех прислужкой, / От века так держали *нас* // Жестокость (*их*) нас притеснила / Страданья поглотили *нас*» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 20]). Здесь находит место, по выражению С. Н. Бройзмана, межличностность субъекта, которая «сохранилась в фольклоре разных народов, проявляясь, в частности, в таких формах высказывания, которые являются странными и «неправильными» с точки зрения более поздних эстетических критериев. Речь идет о спонтанных и немотивированных (не связанных с прямой речью) переходах высказываний от третьего лица к первому (и наоборот) либо о взаимных переходах голосов мужского и женского субъектов [Введение ..., с. 311].

Но, как бы вариативно ни было это «мы», еще раз вернемся к тому, что речь идет о произведениях, в которых авторы-мужчины пытаются актуализировать взгляд новой женщины. Если спроецировать на главную героиню-

ную проблему «точки зрения субъекта», идеологический план воплощения которой, по наблюдениям А. А. Чевтаева, предполагает такие формы, как «временная перспектива, пространственное оформление позиции субъекта или персонажа, психологическое состояние и языковые характеристики говорящего...» [Чевтаев, 2016, с. 43], станет ясно, что во всех рассмотренных случаях доминирует лишь одна точка зрения — не героини, а субъекта, которому принадлежит поэтическое высказывание. Переход «мы» на точку зрения иного субъекта нигде и никак не отмечен. Помимо того, что не проявляется «внутренняя форма высказывания» (А. Чевтаев), в изображении женского «взгляда» каждый раз сохраняется абсолютная равномерность и даже монотонность «мы»: смысловая, эмоциональная, образная.

При довольно скупой образности рассмотренных произведений заметна установка на их клишированность. Характерно, что в данном случае образность проявляется прежде всего в описаниях темного прошлого: кандалы, драконы, серебряное перевязло, капкан и прочее подобное. Также стоит отметить, что эмоционально-экспрессивную функцию выполняют лишь фигуры речи. Экспрессия достигается за счет восклицаний, риторических вопросов. Интонацией призыва определено привычное для поэзии этого времени наличие восклицательных знаков в заглавиях поэтических произведений, что, конечно же, естественно: агитационная поэзия и создавалась с целью призыва.

4. Заключение

Как было отмечено еще в начале, сама по себе постановка вопроса «аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии» уже содержит некий ответ. Но при этом возникает опасность смешения содержательного и формального аспектов аксиологической интерпретации литературных феноменов. Эти аспекты принципиально важно удерживать в поле зрения при рассмотрении агитационной поэзии 1920—30-х годов, тем более что в критическом осмыслении тех лет отмечалась явная диспропорция художественного и содержательного. В рассмотренных примерах ценностный момент когда-то распознавался в новом содержании, стремлении представить новую реальность. Нынешний же аксиологический интерес переменяется к аспекту выразительному, сколь бы примитивным в иных случаях он не представлял. Потому мы старались проследить наиболее типичные пути выражения новой реальности и ее главных действующих лиц.

Основное, что обеспечивает аксиологию субъекта агитационной поэзии — это его стереотипность, идет ли речь непосредственно о лице, которому принадлежит высказывание, или о главном герое, на которого направлено сознание субъекта. В рассмотренных стихотворениях «Первого

шага» речь о женщине, но ее при этом никак не разглядеть. «Типизация образа, по сути, сведена здесь к отсутствию внешних черт» [Кажарова, 2014, с. 107]. Кроме того, женская точка зрения, вернее сказать, переход на точку зрения иного субъекта, никак не обнаруживается. Женщина — главный герой, но единственной остается точка зрения агитатора-мужчины: все то, что он «думает за нее» сообразно парадигме социально-политических ценностей времени. При том что в разных культурах имелись свои акценты освещения героев, установка на стереотипность, как можно убедиться на приведенных выше примерах, остается неизменной вне зависимости от этнической конкретики. Однако, в отличие от русской агитационной поэзии, субъект поэтического сознания, с точки зрения которого оценивается «новая женщина», не столь устойчив, об этом свидетельствуют колебания точки зрения субъекта (1-е лицо, 3-е лицо), которые иной раз наблюдаются в пределах одного стихотворения. Кроме того, как было показано выше, собственные нюансы обнаруживает решение костюмного облика «новой женщины».

Судя по представленному в «Первом шаге», быстрее и легче всего воспринималось временное решение. Об этом заставляет думать единодушие разных авторов в принципах изображения времени прошедшего, детализация его негативного смысла и некоторый разнобой в манере изображения настоящего. Как можно было видеть, в наиболее развернутых вариантах настоящее воссоздается через ряд стереотипных для времени призывов. Призыв перенаправляет временной вектор в будущее. В итоге время настоящее, то есть новая реальность, предстает в чертах времени будущего. Таким образом, стихотворения, собранные в «Первом шаге», позволяют судить о том, что для их авторов представленность субъекта агитационной поэзии на стыке двух временных планов оказывается наиболее функциональным аспектом его аксиологии.

Источники и принятые сокращения

1. Архив ИГИ КБНЦ РАН — *Архив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. ЛЭ — *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / ред. А. Н. Николюкин. — Москва : Интелвак, 2001. — 799 с. — ISBN 5-93264-026-X.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова О. В. Женские образы в художественной литературе / О. В. Барсукова // *Гендерная психология* / ред. И. С. Клециной. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — С. 167—184. — ISBN 978-5-388-00541-0.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.

3. *Бедный Д.* Собрание сочинений в 5 т. Стихотворения, эпиграммы, басни, поэмы, сказки 1921—1929 / Д. Бедный. — Москва : ГИХЛ, 1954. — Том 3. — 421 с.
4. *Болотова Е. В.* Формирование образа советской женщины в 20—30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница») / Е. В. Болотова // Вестник гуманитарного образования. — 2018. — № 2. — С. 60—69. — DOI: 10.25730/VSU.2070.18.021.
5. *Бройтман С. Н.* Русская лирика XIX—XX века в свете исторической поэтики : субъектно-образная структура / С. Н. Бройтман. — Москва : РГГУ, 1997. — 307 с. — ISBN 5-7281-0140-2.
6. *Введение* в литературоведение : учебное пособие / редактор Л. В. Чернец. — Москва : Высшая школа, 2006. — 679 с. — ISBN 5-06-004233-2.
7. *Гинзбург Л. Я.* О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Москва : Советский писатель, 1974. — 408 с.
8. *Кажарова И. А.* Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова) / И. А. Кажарова, З. А. Кучукова, Л. Б. Берберова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 215—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215229.
9. *Кажарова И. А.* «Костюмный облик» как способ конкретизации идеала / И. А. Кажарова // Обсерватория культуры. — 2014. — № 6. — С. 106—113.
10. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 110 с.
11. *Лунин Э.* Агитационная литература / Э. Лунин // Литературная энциклопедия в 11 т. — Москва : Издательство Коммунистической Академии, 1930. — Том 1. — С. 45—54.
12. *Машитлова Е. М.* Становление и развитие социалистического реализма в кабардинской прозе / Е. М. Машитлова. — Нальчик : Эльбрус, 1977. — 130 с.
13. *Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 т. / В. Маяковский. — Москва : ГИХЛ, 1958. — Том 9. — 611 с.
14. *Мысль*, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха / ред. В. Е. Холщевников. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. — 446 с.
15. *Налоев Д. М.* Литературное наследие / Д. М. Налоев. — Нальчик : Эль-Фа, 2005. — 225 с.
16. *Пролетарские поэты* первых лет советской эпохи. — Ленинград : Советский писатель, 1959. — 610 с.
17. *Семенова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия / С. Г. Семенова. — Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. — 590 с. — ISBN 5-9208-0092-5.
18. *Султанов К. К.* Национальная самобытность и художественная ценность : к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода / К. К. Султанов // Studia Litterarum. — 2018. — Том 3. — № 2. — С. 230—248. — DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251.
19. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 571 с.
20. *Филатов В. А.* Аксиология в теории литературы : основные направления ценностного анализа / В. А. Филатов // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 4. — С. 130—138. — DOI: 10.17223/18137083/69/11.
21. *Хализев В. Е.* Ценностные ориентации русской классики / В. Е. Хализев. — Москва : Гнозис, 2005. — 432 с. — ISBN 5-7333-0166-X.

22. Чевтаев А. А. «Точка зрения» и «интенция» в структуре лирического произведения (К вопросу соотношения понятий) / А. А. Чевтаев // Новый филологический вестник. — 2016. — № 1 (36). — С. 41—55.

MATERIAL RESOURCES

Nikolyukin, A. N. (ed.). (2001). *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intellivak. 799 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).

The archive of the IGI KBSC RAS is the Archive of the Institute for Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskustvo. 424 p. (In Russ.).
- Barsukova, O. V., Kletsina, I. S. (ed.). (2009). Female images in fiction. In: *Gender psychology*. St. Petersburg: Peter. 167—184. ISBN 978-5-388-00541-0. (In Russ.).
- Bedny, D. (1954). *Collected works in 5 volum, 3. Poems, epigrams, fables, poems, fairy tales 1921—1929*. Moscow: GIHL. 421 p. (In Russ.).
- Bolotova, E. V. (2018). Formation of the image of a Soviet woman in the 20—30s of the twentieth century (based on the materials of publications of the magazine “Worker”). *Bulletin of Humanitarian Education*, 2: 60—69. DOI: 10.25730/VSU.2070. 18. 021. (In Russ.).
- Broitman, S. N. (1997). *Russian lyrics of the XIX—XX century in the light of historical poetics: subject-figurative structure*. Moscow: RSUH. 307 p. ISBN 5-7281-0140-2. (In Russ.).
- Chernets, L. V. (ed.). (2006). *Introduction to literary studies: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialty “Philology”*. Moscow: Higher School. 679 p. ISBN 5-06-004233-2. (In Russ.).
- Chevtayev, A. A. (2016). “Point of view” and “intention” in the structure of a lyrical work (On the question of the correlation of concepts). *New Philological Bulletin*, 1 (36): 41—55. (In Russ.).
- Filatov, V. A. (2019). Axiology in literary theory: the main areas of value analysis. *Siberian journal of Philology*, 4: 130—138. —DOI: 10.17223/18137083/69/11. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1974). *About lyrics*. Moscow: Soviet writer. 408 p. (In Russ.).
- Kazharova, I. A. (2014). “Costume appearance” as a way to concretize the ideal. *Observatory of Culture*, 6: 106—113. (In Russ.).
- Kazharova, I. A., Kuchukova, Z. A., Berberova, L. B. (2020). Author’s Modality of Didactic Text and Reader’s Perception (by Example of A. G. Dymov’s “Adab”). *Nauchnyi dialog*, 8: 215—229. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (2005). *Value orientations of Russian classics*. Moscow: “Gnosis”. 432 p. ISBN 5-7333-0166-X. (In Russ.).
- Kholshchevnikov, V. E. (ed.). (1983). *A thought armed with rhymes. Poetic anthology on the history of Russian verse*. Leningrad: Leningrad University Press. 446 p. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Studying the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie. 110 p. (In Russ.).

- Lunin, E. (1930). *Agitational literature. Literary encyclopedia in 11 volum, 1*. Moscow: Publishing House of the Communist Academy. 45—54. (In Russ.).
- Mashitlova, E. M. (1977). *The formation and development of socialist realism in Kabardian prose*. Nalchik: Elbrus. 130 p. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. (1958). *The complete collection of works in 13 volumes, 9*. Moscow: GIHL. 611 p. (In Russ.).
- Naloyev, D. M. (2005). *Literary heritage*. Nalchik: El-Fa. 225 p. (In Russ.).
- Proletarian poets of the first years of the Soviet era*. (1959). Leningrad: Soviet writer. 610 p. (In Russ.).
- Semenova, S. G. (2001). *Russian poetry and prose of the 1920s—1930s. Poetics-Vision of the world-Philosophy*. Moscow: IMLI RAS, “Heritage”. 590 p. ISBN 5-9208-0092-5. (In Russ.).
- Sultanov, K. K. (2018). National identity and artistic value: on the issue of complementarity of ethno-cultural discourse and axiological approach. *Studia Litterarum*, 3 (2): 230—248. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. The history of literature*. Kino. Moscow: Nauka. 571 p. (In Russ.).